

му взгляду на греческую и римскую литературу! Неужели мы на этом высокоом месте не научимся оценивать все в его истинном, этически-эстетическом значении, как самое древнее, так и самое новое!» [15, с. 566] ².

Нетрудно видеть, что перед нами одна из вариаций Гёте на тему мировой литературы, идейно и тематически весьма близкая его беседе с Эккерманом, с той, однако, разницей, что здесь поэт рассуждает не столько о «всеобщей мировой», сколько, используя другой термин из литературоведческого лексикона позднего Гёте, об «европейской мировой литературе». Но суть проблемы от этого не меняется: в обоих случаях речь идет об эстетических критериях, основанных на принципах гуманизма, о необходимости поисков «высоких образцов». Причем в качестве такого «образца» Гёте запечатлевает в фигуре античной Елены, так сказать, абсолютный идеал «прекрасного человека». Особо в этом контексте необходимо выделить глубокое этическое содержание произведения, призванного примирить «классиков» и «романтиков». Здесь особенно четко звучит мотив той «всеобщей терпимости», без которой Гёте не мыслил наступления «эпохи мировой литературы».

К кому, однако, обращает Гёте свой призыв, только ли к деятелям отечественной культуры? Но ведь еще в программной статье «Классики и романтики Италии в ожесточенной борьбе» (1819) поэт отмечал, что в Германии «давно оставили позади первые столкновения, и обе стороны уже начинают достигать соглашений» [6, с. 441]. У Гёте были весьма веские основания для подобного вывода: из-за ряда причин спор «классиков» и «романтиков» в Германии носил, как известно, характер не только противоборства, но и продуктивного для обеих сторон взаимодействия, причем и в сфере теории и в сфере художественной практики.

Иначе обстояло дело в таких странах, как Франция или Италия, где спор «классиков» и «романтиков» порой доходил до крайней степени ожесточения. И хотя процесс взаимодействия объективно имел место и в этом случае, все же акцент обеими сторонами делался не на сотрудничестве, а на полемике; так, по словам Гёте, в Италии «названия классиков и романтиков обозначают две непримиримо враждебные секты» [6, с. 441].

Мы вправе трактовать гётевский призыв расширительно: как обращенный ко всему сообществу европейских писателей, признанным главой которого поэт становится к началу 1820-х годов. В первую очередь он адресован литераторам тех стран, где спор «классиков» и «романтиков» еще продолжался. Поэт был чрезвычайно обрадован, когда его голос услышали в разных концах Европы, в том числе и в России [16]. Появление многочисленных откликов на «Елену» должно было восприниматься им не только как свидетельство того, что его призыв возымел надлежащее действие, но и как подтверждение его предсказаний о наступлении «эпохи мировой литературы»: ведь перед поэтом был конкретный пример той интенсификации интернационального духовного взаимообщения, которая являлась для Гёте необходимым условием наступления этой эпохи. Общевропейский резонанс «Елены» мог только укрепить поэта в его мнении о том, какого рода литературные произведения в наибольшей степени содействуют ускорению этого процесса; создававшаяся в духе принципов учения о мировой литературе «классическо-романтическая» «Елена» сообщала в глазах поэта активный импульс формированию контекста «европейской мировой литературы».

Спор «классиков» и «романтиков» рассматривался поэтом не столько сам по себе, сколько в широком историческом аспекте — с точки зрения гуманистического развития европейской литературы. И это подводит нас еще к одной, пожалуй, самой важной сфере отражения в художественной структуре «Елены» категорий гётевской концепции: речь идет о проблеме периодизации европейского литературного процесса, с одной стороны,

² Перевод наш.